

Предмет: родная русская литература

Класс: 9

Тип урока: урок открытия новых знаний

Тема: «Путь праведника земли Курской» (по рассказу Владимира Конорева «У реки нет имени»).

Цель урока: осмысление учащимися мотива праведничества в рассказе В.Н. Конорева «У реки нет имени» на примере образа и судьбы Абрамушки.

Планируемые результаты:

Предметные:

1. способствовать выявлению учащимися особенностей изображения русского национального характера;
2. создать условия для развития учащимися умения выражать свои мысли и чувства правильным литературным языком.

Метапредметные:

1. создать атмосферу успешности каждого ученика, благоприятного психологического климата;
2. способствовать формированию у учащихся способов деятельности по оценке и осознанию изучаемого произведения;
3. содействовать развитию умений слушать и слышать друг друга.

Личностные:

1. содействовать осознанию и оценке учащимися нравственных качеств личности;
2. способствовать становлению у подростков чувства гордости за русского человека, патриотизма, любви к малой родине.

Оборудование:

- ПК;
- мультимедийный проектор;
- использование ЭОР;

Используемые Интернет-ресурсы:

https://pritchi.ru/id_7260

<https://gufo.me/dict/mas/%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA>

<https://gufo.me/dict/efremova/%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA>

<https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA>

https://ru.wikipedia.org/wiki/Первая_мировая_война

ХОД УРОКА

Праведник – это не звание, это смысл жизни.

Е. Есечко

I. Организационный момент

Учитель: Здравствуйте! Я очень рада видеть вас и от души желаю добра. Давайте просто улыбнемся друг другу.

II. Постановка цели и задач урока. Мотивация учебной деятельности учащихся.

Учитель: Эпиграфом к уроку сегодня станут слова Е. Есечко: «Праведник – это не звание, это смысл жизни». Но к нему мы вернёмся позже, в конце урока. А начать урок я хочу с притчи от бразильского прозаика и поэта XX века Пауло Коэльо.

Чужой пример

Ученик спросил Наставника:

— *История человечества знает немало истинных праведников, но каким путём лучше идти, чтобы достичь того же?*

— *Когда мы вступаем на предназначенную нам стезю, нами овладевает сильный страх — мы чувствуем, что непременно должны сделать всё «как надо». Но ведь у каждого — своя жизнь, единственная и неповторимая, так откуда же взялось понятие «как надо»? Господь сотворил и жирафа, и слона, и муравья — почему же мы обязаны следовать чьему-то примеру? Пример служит лишь для того, чтобы показать, как другие определяют свою действительность. Мы можем восхищаться этим, но можем и избежать повторения чужих ошибок. Но как жить — позвольте решать только и исключительно нам самим, и никому больше.*

Учитель: Какой из этой притчи вопрос для нас сегодня очень важен в разговоре о герое Владимира Конорева «У реки нет имени»?

(Каким путём идти, чтобы стать праведником?)

Учитель: И на этот вопрос поможет нам ответить произведение курского писателя Владимира Конорева «У реки нет имени». Наш урок называется: «Путь праведника земли Курской». Итак, на уроке мы проанализируем образ и судьбу Абрамушки, главного героя рассказа. Попытаемся ответить на ряд вопросов. Кто Абрамушка? Герой? Неудачник? Скиталец? Грешник? Праведник? Раскроем нравственную и духовную проблематику рассказа.

III. Актуализация знаний.

1. Знакомство с понятием «Праведник».

Учитель: Вернемся к началу урока. Вы прослушали притчу. Как вы думаете, какое понятие является ключевым в поисках ответа на вопросы? Почему?

(Праведник)

Учитель: Кто такие праведники?

(Ответы учащихся)

Учитель: Мне кажется, что каждый человек по-своему представляет себе праведника. Поэтому рассмотрим несколько определений, которые дают нам словари о праведнике, человеке, образ жизни которого можно назвать праведническим. Об этом нам сообщит группа исследователей, которая проанализировала словарные статьи различных словарей.

Выступление заранее подготовленного ученика:

1. *Праведник — человек, ни в чем не погрешающий против правил нравственности, морали. (Современный толковый словарь русского языка)*

2. *Праведник – человек, придерживающийся заповедей, предписаний какой-либо религии. (Толковый словарь Ефремовой)*
3. *Праведник – человек, святой, который прославился подвигами и святостью жизни в обычных мирских условиях. (Православный словарь)*

Таким образом, мы видим, что все три определения несколько различаются. Первое никак не связывает праведника с религией, то есть праведником в соответствии с ним может быть даже атеист, который не живет против правил нравственности и морали. В соответствии же со вторым определением праведником является все же религиозный человек, который выполняет все заповеди своей веры. А вот третье определение, которое взято из православного словаря, ближе всех, наверное, к определению, которое существовало в дореволюционной России. Оно называет праведником того человека, который, веря в Бога, свято выполнял все Его заповеди в мирских условиях.

2.Соотнесение понятия «праведник» с личностью главного героя.

Учитель: Итак, какое определение больше всего соответствует нашему герою? (Первое)

Учитель: С вашей точки зрения, какими же качествами должен обладать праведник? (Доброта, милосердие, честность, бескорыстность...)

Учитель: Обладает ли Абрамушка этими качествами? (В начале рассказа нет)

3. Этапы пути к праведничеству.

Учитель: Следовательно, Абрамушке пришлось пройти определённый путь, который привёл его к праведничеству. Давайте, анализируя текст, проследим этот путь. Расскажите, привлекая текст рассказа, о рождении и детстве героя. (1. «По метрике его нарекли Иваном. Абрамом же звали его отца»

2.«...родовое гнездо Ивана называлось Абрамушкины, и по этим меркам его надо бы величать Ванькой Абрамушкиным»

3.«Иван был в семье единственным ребёнком, но таким дробным и худеньким, и к нему с детства пристало прозвище Абрамушка»)

Учитель: Какое событие, можно сказать, стало отправной точкой становления нашего героя на путь праведника? (Первая мировая война)

Историческая справка (сообщает подготовленный ученик)

Первая мировая война (28 июля 1914 — 11 ноября 1918) — одна из самых широкомасштабных войн в истории человечества.

Формальным поводом к войне послужили события в Сараеве, где 28 июня 1914 года девятнадцатилетний боснийский серб Гаврило Принцип, входивший в группу террористов, осуществил покушение, в результате которого был убит наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд и его морганатическая жена София Хотек.

Страны-участницы Первой мировой войны разделились на два противоборствующих лагеря:

- Центральные державы: Германская, Австро-Венгерская, Османская империи и Болгарское царство;
- Антанта: Российская империя, Британская империя, Французская республика.

Всего за годы войны в армии воюющих стран было мобилизовано более 70 миллионов человек, в том числе 60 миллионов в Европе, из которых погибло от 9 до 10 миллионов. Количество жертв среди гражданского населения, по разным оценкам, находится в интервале от 7 до 12 миллионов человек, из которых около 1 миллиона погибло в результате боевых действий; около 55 млн человек получили ранения^[9]. Война послужила прологом и детонатором ряда крупнейших революций, включая Февральскую и Октябрьскую 1917 года в России, и Ноябрьскую 1918 года в Германии. В результате войны прекратили своё существование четыре империи: Российская, Австро-Венгерская, Османская и Германская.

Учитель: Мы видим, что первая мировая война изменила судьбы целых империй. Расскажите, привлекая текст рассказа, о судьбе Абрамушки во время войны.

(«Во время первой мировой бойни из-за невысокого роста Абрамушку определили ездовым в армейский обоз. На громоздкой фуре, запряжённой двумя мосластыми меринами, он подвозил ящики со снарядами к полковым батареям. Однажды обоз, сбившись с пути, угодил под обстрел неприятельской артиллерии, и контуженого Абрамушку захватили в плен. Из лагеря его направили на работу к австрийскому бауэру. Высокий угрюмый хозяин, одетый в поношенный армейский мундир, оценивающе оглядел невзрачного пленника и послал его пасти коров.»)

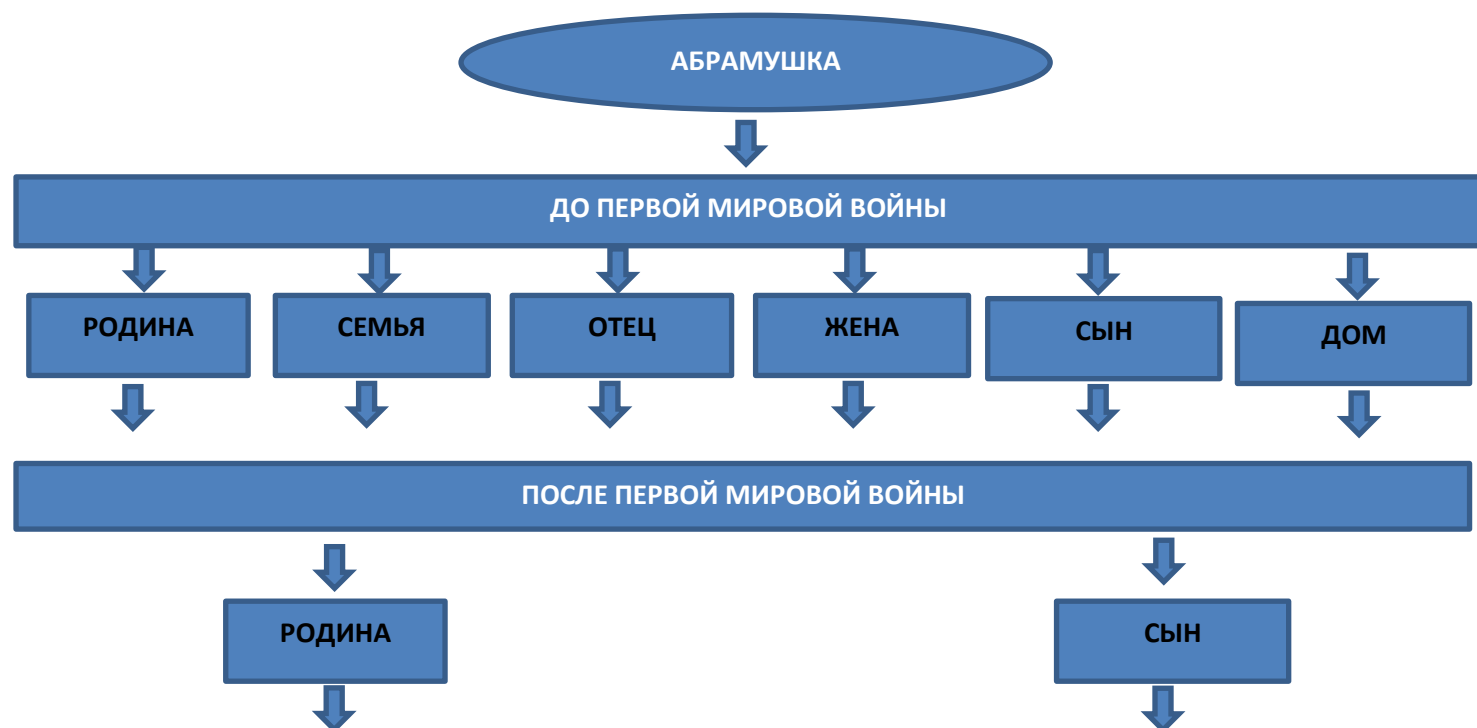
Учитель: Как к герою относятся в плену?

(«Сын хозяина погиб на войне, и бауэр злобу вымещал на пленнике. Часто плётка гуляла по Абрамушкиной спине. Однажды хозяин чуть не высек бедняге глаз, когда одна из тёлок, споткнувшись о камень, повредила ногу. Глаз уцелел, но стал хуже видеть, а на щеке и над бровью остался глубокий рубец. С ненавистью относились к пленнику сухая, как жердь, хозяйка и её старшая дочь, жених которой тоже сгинул в Карпатах.»
«Единственным светлым лучиком в неволе стала двенадцатилетняя Анхен, младшая дочь хозяина. Она, наоборот, не чуралась пленника, украдкой от старших приносила ему еду и учила его говорить по-немецки, по затрёпанному учебнику познакомила с латинской азбукой. ...В благодарность из попадавшихся на пастбище коряг Абрамушка вырезал забавных куколок и зверушек и дарил их девчушке.»)

Учитель: Когда же вернулся Абрамушка домой?

(«После распада Австрийской империи пленникам разрешили вернуться на родину»)

Учитель: Давайте посмотрим, что имел Абрамушка до войны? Что осталось после войны? (Составление кластера)

Лишь соскочив с подножки прокуренного и замызанного вагона на разбитую платформу своей станции, Абрамушка поверил в возвращение в родные края. До Лёвоновки ещё около шести вёрст. Хотелось побыть одному. Он не стал искать попутную подводу и неторопливо зашагал по полевой дороге, огибающей разбросанные по косогору деревеньки.

Всё радовало душу - и высоко поднявшееся в безоблачное небо июньское солнце, откуда сыпался восторженный перезвон жаворонков, и полевая дорога, землю которой между колеями от колёс затянуло бархатисто-мягкой муравой. По обочинам дороги в тёмно-зелёных ладошках листьев, словно свечки, желтели цветки подорожника, а перистолистые одуванчики уже осыпали пушинки, обнажив лысые с тёмными пятнышками головки цветоносов. По обе стороны дороги располагались крестьянские наделы. Отрадно было видеть родное, знакомое...

А мальчонка, сразу видно, что из их, Абрамушкиных, породы - волосы светлые, лоб широкий, глаза синие, распахнутые, нос слегка вздёрнут, только губы пухловатые, Доняхины.

Сын... Сынок...

Что делать? Кого винить? Войну? Миллионы судеб безжалостно поломала она и с нашей, и с той стороны. И как жить дальше? Предложить хохлу убраться из его дома? А как быть с Доняхой, с детьми? Вдруг она не захочет остаться с ним. Уехать? Но куда? В стране разруха, гражданская война. Пойти воевать? Но до сих пор сказывалась контузия, и правый глаз плохо видел. Да и не разобрался он ещё, кто за что воевал. Остаться здесь? Но у него теперь ни жилья, ни хозяйства.

Сын... Сынок... Ради него надо остаться.

Учитель: Кто или что виноват в том, что Абрамушка потерял семью, дом, жену, отца? (Война)

Учитель: Абрамушка не обозлился, не стал мстить жене за измену, не стал требовать отцовский дом, не стал принуждать сына к общению с ним. Он смирился со своей судьбой. И с этого момента начинается его трудный путь праведника. (Составление кластера)

ПУТЬ ПРАВЕДНИКА АБРАМУШКИ

НЕПРИХОТЛИВОСТЬ

Поселился Абрамушка на отшибе деревни, рядом с бабкой Ефросиньей. Та предлагала ему пожить у неё, но он отказался. Вначале жил в шалаше. Потом натаскал толстых жердей и ореховых прутьев из леса и соорудил себе жилище с единственным в один кружок оконцем.

СМИРЕНИЕ

Порой Абрамушке очень хотелось увидеть сына. Крадучись, огородами он пробирался к отчому дому и, затаившись в бурьяне, подолгу наблюдал за играющими детьми, подавляя желание подойти и приласкать мальчонку. Однажды его обнаружила Доняха. Бросилась ему на грудь со слезами:
- Прости меня, Ваня, что так неладно всё обернулось. Мы ведь с тятей поверили, что тебя убили на войне.

УМЕНИЕ ПРОЩАТЬ

А как-то, стуча по половицам протезом, к нему заглянул председатель сельсовета Иван Тихонович.
- Чего в сельсовет не заходишь, служивый? - упрекнул он Абрамушку. - Мы бы тебе бумаги выправили и раздел с Евдокией оформили.
- Доняху не трогайте. Она не виновата, - вскинулся Абрамушка. - Ничего мне от вас не надо.

СМЕКАЛКА

Не раз Абрамушка задумывался, как в его положении жить дальше. Вспомнил о невольничьей профессии. А не пойти ли ему в пастухи? Дело привычное и заработок приличный. Ещё зимой он начал готовить пастушечье снаряжение.

БЕСКОРЫСТИЕ

И тут Абрамушка отчебучил, предложив смехотворную оплату по сравнению с соперниками - пять целковых с головы и кормёжка по очереди. Мужики сперва засомневались, стоит ли доверять стадо ненормальному, но, посоветовавшись, решили рискнуть, тем более что другие претенденты заломили чересчур высокую цену.

ТРУДОЛЮБИЕ

Пока стадо продвигалось вдоль заросшего кустарником болота, Абрамушка успевал нарезать вязанку красноталовых лозин. Вначале плёл лукошки из неошкуренных прутьев и предлагал красавским бабам. Всё не лишняя копейка. Особым спросом пользовались большие корзины, в которых весной гусыни насиживали яйца. Потом приновился плести разные поделки из очищенных лозин, а из лыка небольшие туески.

ЛЮБОВЬ К СЫНУ

В летнее время сына и мельком не видел. В июне на склонах лощин поспевали ягоды - земляника, клубника, малина, а потом на болоте подходила красная и чёрная смородина. Мимоходом он набирал полный туесок ягод, а поздно вечером, возвращаясь домой, вешал его на штaketину Доняхиной калитки.

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Наступила с долгими хмурыми вечерами осень, и Абрамушка зачастил в открывшуюся в соседнем селе избу-читальню. Сперва дотошно прочитывал подшивки газет, потом стал прихватывать с собой и книги. Они открывали ему неведомый мир, жизнь и нравы людей, обитавших там.

МИЛОСЕРДИЕ

Однажды на стойле к пастуху подошла женщина с грудным ребёнком и попросила молока. Выглядела она страшно. Впалое лицо, тощие руки и ноги обтянуты тонкой синюшной кожей, сквозь неё проступали такие же синюшные узлы вен, ни одной капельки живой жиринки.
- Откуда топаешь, милая? - спросил Абрамушка, протягивая початую бутылку молока. Её утром вместе с куском сала и горбушкой ситника сунула в его сумку хозяйка дома, в котором он харчевался в этот день.

ХРАБРОСТЬ

Абрамушка догадался, что немецкая разведка искала стратегическую дорогу, которая проходила южнее, всего в километре от большака. Хотя он знал, о чём спросил офицер, притворился, что не понял вопроса, лихорадочно прикидывая, как отвести беду.

ДОМ

ВНУК

НЕВЕСТКА

СЫН

СЕМЬЯ

РОДИНА

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Учитель: Итак, благодаря смирению, неприхотливости, умению прощать, смекалке, трудолюбию, бескорыстию, любви к ближним, любознательности, милосердию, храбрости Абрамушка сумел вернуть то, что потерял ранее. Путь праведника был трудным, долгим, но плодотворным: Абрамушка обрёл смысл жизни. Ребята, тема нашего урока «Путь праведника земли Курской». А почему Курской?

(В.Н. Конорев – наш земляк. Он рассказывает о событиях, которые происходили на курской земле. Мы встречаем здесь знакомые нам географические названия)

Учитель: Оказывается, люди, которых мы называем праведниками, рядом с нами. Это не вымышленные литературные герои, а живые люди. Звание «Праведник мира» имеет международный статус. Получившему статус Праведника мира вручают диплом и медаль, на которой на двух языках, на иврите и французском, выбита надпись: «В благодарность от еврейского народа. Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир». Сейчас звание «Праведник мира» получили больше 24 тысяч человек. Большая часть этих людей жила в европейских странах, оккупированных нацистами. Наибольшее число Праведников в Польше – более шести тысяч и в Голландии – более пяти тысяч. На 4-м месте Украина – 2441 человек. Но есть такие люди и на курской земле. Изабелла Николаевна Дудина-Образцова, 1930 г.р. - одна из лауреатов премии Праведника народов мира, которая во времена Второй мировой войны вместе со своим отцом помогала бежать из города евреям. Весь город Курск был заполнен листовками о том, что любая помощь евреям будет караться смертной казнью без решения суда, прямо на месте, но это не помешало Изабелле с отцом начать свою собственную войну. Изабелла Николаевна вспоминает, что, когда она зашла в синагогу на Поклонной горе, все женщины и мужчины разом встали на колени — в благодарность за спасенных ею и ее отцом людей. Премию она получила в 1998-м году. Сама она признается, что о ней, увы, все уже позабыли, да и многие родственники уже давно умерли. В Иерусалимском же музее истории Холокоста растет и будет расти дерево с именем Изабеллы Николаевны Дудиной-Образцовой.

III. Рефлексия учебной деятельности на уроке.

Учитель: А теперь вернёмся к эпиграфу нашего урока. Ответьте на вопросы: «Насколько удачно подобран эпиграф к нашему сегодняшнему уроку? Отражает ли он характер героя?» *(Ответы учащихся)*

IV. Домашнее задание (комментирование), выставление оценок за урок.

Письменный ответ на вопрос: «Нужны ли в нашей жизни такие праведники, как Абрамушка?»

В. Конорев «У реки нет имени»

Рассказ

1

Абрамушка жил в соседней деревне Леоновке. По метрике его нарекли Иваном. Абрамом же звали его отца. А в нашей местности подворья именовались не по фамилиям, так как порой деревню населяли одни однофамильцы - Соловьёвы или Стрелковы, а по именам: Кирилл - Кирюхины, Кузьма - Кузины, Пётр - Петраковы или Петрушины. Если хозяин подворья обзавёлся прозвищем, то по нему - Глякины, Юловы, Гапеевы.

Так что родовое гнездо Ивана называлось Абрамушкины, и по этим меркам его надо бы величать Ванькой Абрамушкиным. Иван был в семье единственным ребёнком, но таким дробным и худеньким, и к нему с детства пристало прозвище Абрамушка. За годы он так привык к нему, что откликался на него как на своё имя.

Во время первой мировой войны из-за невысокого роста Абрамушку определили ездовым в армейский обоз. На громоздкой фуре, запряжённой двумя мосластыми меринами, он подвозил ящики со снарядами к полковым батареям. Однажды обоз, сбившись с пути, угодил под обстрел неприятельской артиллерии, и контуженого Абрамушку захватили в плен. Из лагеря его направили на работу к австрийскому бауэру.

Высокий угрюмый хозяин, одетый в поношенный армейский мундир, оценивающе оглядел невзрачного пленника и послал его пасти коров. Стадо небольшое, всего тридцать голов. Пасты приходилось по подножным склонам гор, и упаси Бог, чтобы блудливая бурёнка забрела на соседское поле или в спускающийся с гор лес. Сын хозяина погиб на войне, и бауэр злобу вымещал на пленнике. Часто плётка гуляла по Абрамушкиной спине. Однажды хозяин чуть не высек бедняге глаз, когда одна из тёлочек, споткнувшись о камень, повредила ногу. Глаз уцелел, но стал хуже видеть, а на щеке и над бровью остался глубокий рубец. С ненавистью относились к пленнику сухая, как жердь, хозяйка и её старшая дочь, жених которой тоже сгинул в Карпатах.

Многое удивило Абрамушку в австрийской деревне. Дома каменные, двухэтажные, крытые красной черепицей. Улицы и дороги вымощены брусчаткой. Коровники и конюшни тоже из камня и крыты черепицей. Ко всем постройкам подведены водопровод, электричество. Каждый клочок земли тщательно ухожен, ни одной сорной травинки. Хозяин имел свой сепаратор, сам делал масло и сыр.

И всё же тесновато живут. Поля карликовые, да и выпасы не ахти какие. Потому и зарится немчура на необозримые российские просторы.

Поначалу Абрамушка с интересом присматривался к заграничным диковинкам, но вскоре стал тосковать по родным местам - по срубленному из сосновых брёвен отчому дому, обнесённому невысоким плетнём, по покрытым уветливой травкой просёлкам и тропинкам, по заросшему красноталом и камышом торфяному болоту, по неспешно струящемуся под кособоком ручью с родниковой водой и по настоящей русской зиме. Зимы в Австрии по Абрамушкиным понятиям не было. Снег ложился высоко в горах, порой он выпадал и в долинах, но надолго не задерживался. И солнце, прячась за высокими грядками гор, даже летом светило на два-три часа меньше, и ему там не довелось видеть ни занимающейся утренней зари, ни вечернего заката.

Когда Абрамушка находился в лагере, у многих пленников возникла мысль о побеге, но от этой затеи пришлось отказаться. Бывший студент на клочке газеты начертил карту с расположением государств. Выходило, чтобы добраться до родины, надо было пройти свыше тысячи вёрст по враждебной территории через непроходимые горы. Пришлось смириться с невольничьей долей, теша себя надеждой, что не вечно будет длиться война, когда-нибудь наступит и перемирие.

Единственным светлым лучиком в неволе стала двенадцатилетняя Анхен, младшая

дочь хозяина. Она, наоборот, не чуралась пленника, украдкой от старших приносила ему еду и учила его говорить по-немецки, по затрёпанному учебнику познакомила с латинской азбукой. Ещё в церковно-приходской школе Абрамушка отличался способностью с лёта схватывать любую науку и через полгода он свободно общался с Анхен. В благодарность из попадавших на пастбище коряг Абрамушка вырезал забавных куколок и зверушек и дарил их девчужке.

2

После распада Австрийской империи пленникам разрешили вернуться на родину. Долгим и опасным оказался путь домой, сначала по ставшей враждебной Польше, потом по кишасей петлюровцами и многочисленными бандами Украине. Лишь соскочив с подножки прокуренного и замызанного вагона на разбитую платформу своей станции, Абрамушка поверил в возвращение в родные края. До Леоновки ещё около шести вёрст. Хотелось побыть одному. Он не стал искать попутную подводу и неторопливо зашагал по полевой дороге, огибающей разбросанные по кособогу деревеньки.

Всё радовало душу - и высоко поднявшееся в безоблачное небо июньское солнце, откуда сыпался восторженный перезвон жаворонков, и полевая дорога, землю которой между колеями от колёс затянуло бархатисто-мягкой муравой. По обочинам дороги в тёмно-зелёных ладошках листьев, словно свечки, желтели цветки подорожника, а перистолостные одуванчики уже осыпали пушинки, обнажив лысые с тёмными пятнышками головки цветоносов. По обе стороны дороги располагались крестьянские наделы. Отрадно было видеть родное, знакомое, но больно резануло сердце, когда заметил, что многие участки заросли бурьяном и цепким полевым выюнком, развесившим на жирующих стеблях белые и розоватые чашечки цветков. Многих земляков, видать, обездолила война.

Хотелось идти помедленнее, наслаждаясь степным простором и навеваемыми лёгким ветерком знакомыми с детства пряными запахами полынка, цветущей сурепки и чабреца, но ноги сами ускоряли шаг, и он очутился у своего семейного надела. С одного края на меже рос куст шиповника. Ягоды шиповника для целебных отваров собирала мать, мучившаяся сердечным недугом, но в середине куста всегда оставалось несколько ярко рдевших пучков. Как-то Абрамушка ещё ребёнком залез во внутрь куста и протянул ручонку к оставшимся ягодам, но острый шип цепко впился в рукав рубашонки. От острой боли он шарахнулся назад и запутался в колючках. На его рёв подскочил находившийся поблизости отец и вызволил из колючей западни. Сколько лет прошло, а вот вспомнилось. Отец тогда в сердцах вырубил куст, но весной корни дали новые побеги.

За время отсутствия Абрамушки куст разросся, но большинство побегов, угрожающе ошестинясь оголившимися шипами, засохло. Лишь три стебелька зеленели редкими листочками и украсились несколькими нежно-розовыми цветками. Около солнышка их сердцевин, неторопливо перебирая лапками тычинки, копошились пчёлы.

Засохшие побеги шиповника напомнили ненавистные мотки колючей проволоки, и Абрамушка решил обломать их, но только коснулся одной ветки, из суволоки прошлогодней травы, росшей внутри куста, выпорхнула жёлтая плипка и тревожно зацикала: "Цик! Цик! Цик!"

- Живи, птаха! - отдёргнул он руку от сухостойной плети.

Надел был засеян рожью и овсом. Стебли ржи уже вымахали по грудь Абрамушке и выбросили с зелёными остинками колосья, а овёс густой светло-зелёной щетиной только поднимался от земли. На углу другой межи росли ноготки, любимые цветы Доняхи. Из плотно сжатых чашелистиков выглядывали оранжевые язычки лепестков.

"Живы!" - обрадовался Абрамушка, подумав об отце и жене.

Мать Абрамушки скончалась от сердечного приступа перед началом войны. Дом без бабьего пригляда - сирота, и отец уговорил сына жениться на дочери соседа Евдокии, ладной и работающей девке. Но недолго длилось семейное счастье Абрамушки. Вскоре грянула война, и его мобилизовали в армию.

С жадной радостью он всматривался в родные просторы. Всего в версте от поля темнел лес, куда детьми ходили за земляникой и орехами. Располагалась дубрава в верховье разлатой лощины, протянувшейся от леса до Леоновки. Ниже лощина расширялась и переходила в торфяное болото. По удолью лощины, прижимаясь к кособору, протекал ручей, окаймлённый зарослями краснотала, куги и тростника. Из подножья холмов, где напротив Леоновки приютился хутор, пробивалось множество ключей, и хуторяне там устраивали копаня для мочки конопля. Со временем вешневодьем гривки между канавами разрушились, и ручей там растёкся широким плёсом. Местами его русло сужалось настолько, что можно было запросто перемахнуть с одного берега на другой. В ручье водилось много мелкой рыбы - доверчивые пескари, увёртливые вьюны и гольцы, осторожные плотвички и стайки проворных клычков. Во время весеннего разлива сюда на нерестовый бой заплывали и матёрые щуки. Потом летом в усыхающих канавах и бочажках появлялось множество шустрых щурят.

3

Подходя к Леоновке, Абрамушка нагнал сухонькую старушку с вязанкой хвороста за спиной. Почувствовав его шаги, она обернулась и обронила вязанку.

- Свят, свят, свят! - неистово закрестилась старушка.

Абрамушка узнал в ней бабушку Ефросинью, жившую бобылкой в крайней хате. С удивлением он смотрел на крестящуюся и испуганно шепчущую молитвы старушку, словно она встретила с привидением. Но призрак не исчезал, и бабушка, боязливо дотронувшись до руки Абрамушки, поняла, что это не видение.

- Никак Ваня! Живой?!

- Живой, бабушка. Три года в австрийском плену отбыл.

Абрамушка хотел расспросить её о своих, но старушка запричитала:

- А отец-то твой, царство ему небесное, как получил гумагу о твоей гибели, сразу занемог и через неделю преставился. А Доньях через год хохла Гриню приняла. Подрабатывал он у нас по-плотнички.

Поняв, что сболтнула лишнее, бабушка попыталась оправдать Доняху:

- Да каково ей было одной-то с пелёношным дитёнком на руках с хозяйством управляться!..

Ошеломлённый Абрамушка стоял и не знал, что делать. В глазах потемнело, в голове зашумело, словно его опять контузило. Радость возвращения померкла.

Из оцепенения его вывела бабушка Ефросинья:

- Всё же, милочка, ступай, повидайся с женой. Тогда и решишь, как вековать дальше.

Деревня Леоновка небольшая, всего полтора десятка дворов, тянувшихся одним порядком по кособору вдоль ручья.

Своё подворье Абрамушка признал не сразу. Вместо плетня - крашеный штакетник с калиткой. Стены избы обшиты в "ёлочку" тесовыми досками зелёного цвета, на окнах голубые наличники, на верхних - белые целующиеся голубки. Вместо крыльца застеклённая веранда. Исчез стоявший у крыльца могучий вяз, на котором висела скворечня. Вместо него в палисаднике посажены вишнёвые деревца, между ними клумба с распускающимися ноготками.

"Хозяйственный мужик Доняхин хохол", - мелькнула в голове Абрамушки ревнивая мысль.

С тяжёлым сердцем он переступил порог родовой избы. За столом сидели белокурый

мальчуган лет четырёх и две темноволосые девчушки лет двух, видать, погодки. На вошедшего они даже не обратили внимания. Мальчонка продолжал шелушить зелёные стручки гороха и совал зёрнышки поочерёдно в рот малышам.

Располневшая Доняха возилась у загнетки. Овернулась на скрип двери и выронила из рук ямки.

- Ой, Ваня! - испуганно ойкнула она и, чтобы не упасть, оперлась спиной о печную стенку. Почувствовав неладное, из-за стола к матери прыснули детишки. У Абрамушки тоже подкосились ноги, и он тяжело опустился на коник.

Посидел, посидел Абрамушка на краешке коника возле сенешной двери, посмотрел на окаменевшую Доняху и трёх прижавшихся к её подолу детишек, перекрестился на образа и, ни слова не сказав, вышел из избы.

В голове гудело, тело трясла знобкая дрожь. Надо было где-нибудь присесть и успокоиться. Пошатываясь, словно пьяный, по склону косогора спустился к ручью. Выбрав место, не засиженное гусями, опустился на траву возле мостков, где женщины обычно полоскали бельё. Спуск к мосткам выложен порошками из ракушечных плах, и доски на мостках свежие. Видать, любит хохол Доняху, ишь как заботится о ней. А мальчонка, сразу видно, что из их, Абрамушкиных, породы - волосы светлые, лоб широкий, глаза синие, распахнутые, нос слегка вздёрнут, только губы пухловатые, Доняхины.

Сын... Сынок...

Что делать? Кого винить? Войну? Миллионы судеб безжалостно поломала она и с нашей, и с той стороны. И как жить дальше? Предложить хохлу убраться из его дома? А как быть с Доняхой, с детьми? Вдруг она не захочет остаться с ним. Уехать? Но куда? В стране разруха, гражданская война. Пойти воевать? Но до сих пор сказывалась контузия, и правый глаз плохо видел. Да и не разобрался он ещё, кто за что воевал. Остаться здесь? Но у него теперь ни жилья, ни хозяйства.

Сын... Сынок... Ради него надо остаться.

Обуреваемый мрачными мыслями вначале Абрамушка отрешённо смотрел на неспешно текущую воду ручья. Потом заметил, что в тех местах, где светлые струйки огибали стебли осоки, по илистому дну проскальзывали солнечные блики. Потом его внимание привлекла водомерка, легко скользящая по поверхности воды в небольшой тихой заводинке. Вдруг она стремительно стрекнула в осоковые заросли и затаилась среди ярких изумрудных пятнышек ряски. Оказалось, её спугнула неторопливо плывущая вверх против течения стайка клинков. Сопровождаемая мальками, она походила на озорную ватажку подростков с бегущей следом малышкой. Тут на обомшелый сучок, торчащий из воды, села стрекоза. Тонкое изящное туловище и длинный хвост - светло-зелёные, крылышки - дымчато-прозрачные. Вожак стайки встрепенулся и стремительно выпрыгнул из воды, пытаясь ухватить щеголиху за кончик хвоста. Стрекоза успела ускользнуть от озорника и прерывистыми скачками запорхала над прибрежной осокой.

В неволе Абрамушка часто представлял себя сидящим у русла этого ручья. Там, в Австрии, с Альпийских гор в долину сбегало много ручьёв, но в бурных ледяных потоках не водилось ни рыб, ни лягушек, ни прочей речной живности, словно в них текла мёртвая вода.

А здесь кипела ликующая жизнь. С нежным чиликаньем, касаясь крыльями воды, проносились касаточки, от плёса доносилось дружное кегеканье купающихся гусей, в высыхающей бочажке толстую шубу из тины и ряски теребили утки, над торфяным болотом с дотошным криком: "Чьи вы?" - кружил чибис.

Вдруг на тропке, ведущей к мосткам, появилась трясогузка. Своими лёгкими побежками она напомнила ему Анхен, собирающую цветы на весеннем лужке. Заметив человека, птаха замерла на месте и удивлёнными чёрными бусинками глаз уставилась на Абрамушку. "Полоничек", - вспомнил он местное название этой

аккуратной длиннохвостой птицы. Она и в самом деле была похожа на вычищенную до блеска алюминиевую поварёшку. Трясогузка так внимательно рассматривала Абрамушку, словно пыталась вникнуть, какая печаль гнетёт этого грустного и усталого человека.

"Цить-цюри-цить!" - утешительно прощепетала она и, сорвавшись с места, резво побежала дальше по тропинке, покачивая длинным серебристым хвостом с тёмной полоской посредине.

"Жить, надо жить!" - отозвался в Абрамушкином мозгу птичий щебеток.

Жить, надо дальше жить! - повторил вслух Абрамушка, и боль постепенно стала отпускать сердце.

4

Поселился Абрамушка на отшибе деревни, рядом с бабкой Ефросиньей. Та предлагала ему пожить у неё, но он отказался. Вначале жил в шалаше. Потом натаскал толстых жердей и ореховых прутьев из леса и соорудил себе жилище с единственным в один кружок оконцем. Плетнёвые стенки с обеих сторон обмазал глиной, крышу покрыл толстым слоем камыша. Для обогрева сложил из кирпича небольшую плиту с конфоркой, на ней же готовил еду. Со скрещенными ножками смастерил стол, топчан и пару табуреток...

Когда Абрамушка начал строить времянку, к нему подошёл Доняхин хохол.

- Шо це таке ты тута робишь? - Гриня обошёл врытые в землю столбы, попробовал, надёжно ли они держатся.

Видного мужика выбрала себе Доняха. Высокий, статный, да и нравом, видать, весёлый, в чёрных глазах так и проскальзывали озорные лукавинки. Абрамушка делал вид, что не заметил гостя, продолжал рыть яму для очередного столба.

Гриня невозмутимо присел на ошкуренное бревно, достал кисет и позвал Абрамушку:

- Сидайте рядом, Иван Абрамыч, покурим. Погутарить треба.

- Об чём мне с тобой толковать? - угрюмо отозвался Абрамушка. - Не курю и прочего зелья не потребляю.

- Посоветовались мы с Дуняшей, - без украинского акцента продолжил Григорий. - Одним словом, перебирайся в свой дом. Хочешь, вместе с нами живи, хочешь, отдельный ход прорубим.

- А жену как делить будем? - взорвался Абрамушка. - Ступай своей дорогой. Не мотай мне душу.

- Может, помочь чем? - вставая, предложил Григорий. - Я ведь плотник.

- Ступай, ступай. Не путайся под ногами, - словно назойливого пацана, прогнал он хохла.

Построив избушку, Абрамушка на несколько дней отлучился в Курск, тётку навестить и покупки разные сделать. Вернувшись, он не узнал своей хибарки. Потолок и стены обшиты шелёвкой, пол устлан дубовыми досками. Перед входной дверью пристроен тамбур, чтобы зимой морозный воздух напрямую не врывается в жильё. На тамбурной двери такая же щеколда, как и на внутренней. Пол перед плитой обит жёстью.

"Ух, хохол!" - догадался Абрамушка, чья эта дель. Хотя и был он возмущён, что сделано без его ведома, но работа выполнена добротно и аккуратно, ни одной задирины, ни одного прощелка. Жильё изнутри повеселело, наполнилось свежим сосновым духом.

Порой Абрамушке очень хотелось увидеть сына. Крадучись, огородами он пробирался к отчому дому и, затаившись в бурьяне, подолгу наблюдал за играющими детьми, подавляя желание подойти и приласкать мальчонку.

Однажды его обнаружила Доняха. Бросилась ему на грудь со слезами:

- Прости меня, Ваня, что так неладно всё обернулось. Мы ведь с тятёй поверили, что

тебя убили на войне.

Потом утёрла слёзы уголком платка и тихо произнесла:

- И спасибо, что не стал поднимать скандала.

А уходя, добавила:

- Ты пока себя не мучь и Петеньку не смущай. Мал он ещё, не поймёт. Подрастёт чуток, сама скажу ему, что ты его отец.

А как-то, стуча по половицам протезом, к нему заглянул председатель сельсовета Иван Тихонович.

- Чего в сельсовет не заходишь, служивый? - упрекнул он Абрамушку. - Мы бы тебе бумаги выправили и раздел с Евдокией оформили.

- Доняху не трогайте. Она не виновата, - вскинулся Абрамушка. - Ничего мне от вас не надо.

Иван Тихонович с опаской оглядел самодельную табуретку, пододвинул к столу и опустил на неё. Под грузноватым телом председателя ножки стула скрипнули, но выдержали.

- А как дальше-то жить собираешься? - задержал он изучающий взгляд на хозяине.

Абрамушка молчал.

- А знаешь что? - предложил председатель. - Шёл бы ты в коммуны. Она в бывшей барской усадьбе организуется. Из наших бедняков туда перебрались Семён Куцый, Петька Климаков, Мишка Серый. А командует там Коля Бугай.

Многих из перечисленных бедняков Абрамушка знал. Непутёвые люди - ни доброго дерева у дома посадить, ни огород обиходить. Зато любили погорланить, урвать на дармовщину и с чаркой крепкую дружбу вели. И от этого предложения председателя он отказался.

А к Курску приближались белые, и Абрамушку вызвали в военкомат, но, узнав, что он был контужен и слабо видит правым глазом, отпустили домой. Осенью деникинцы заняли Курск. Вместе с ними объявились и прежние хозяева усадеб. Они устраивали поголовные порки крестьян, расстреливали тех, кто поддерживал Советскую власть. Недолго бесчинствовали они, к началу декабря губерния была очищена от белогвардейцев.

5

Не раз Абрамушка задумывался, как в его положении жить дальше. Вспомнил о невольничьей профессии. А не пойти ли ему в пастухи? Дело привычное и заработок приличный. Ещё зимой он начал готовить пастушечье снаряжение. Из пеньковых веревок сплёл несколько пар лаптей. Обувь лёгкая и удобная, годная для любой погоды. Из плена он привёз только прорезиненный плащ. Надёжная накидка, даже в ливень не пропускала влаги. Из орешины сделал себе батожок. На комле вырезал петушиную головку, а поверхность посоха расписал замысловатыми узорами. На тонкий конец насадил стреляную гильзу от ружья, в дырку пистона вогнал заострённый подковный гвоздь, чтобы посох по грязи и гололедице не скользил. Из тростниковых стеблей вырезал несколько разноголосых дудочек. Бабка Ефросинья сшила ему холщовую сумку.

Кое-как случайными заработками у богатых мужиков перебился Абрамушка зиму, а весной пошёл наниматься пастухом в соседнюю деревню.

После возвращения из плена в округе его принимали за дурачка. Какой нормальный мужик отдаст свой родной дом и всё хозяйство изменщице жене и её хахалю? К тому же сказывалась и контузия, ходил он, покачиваясь, как многие придурковатые.

Есть поговорка: "В пастухи наймёшься - вся деревня в долгу". И тут Абрамушка отчебучил, предложив смехотворную оплату по сравнению с соперниками - пять целковых с головы и кормёжка по очереди. Мужики сперва засомневались, стоит ли

доверять стадо ненормальному, но, посоветовавшись, решили рискнуть, тем более что другие претенденты заломили чересчур высокую цену.

Опыт опытом, а австрийских коров пасти было легче - и стадо вдвое меньше, и ухаживали за ними лишь хозяйка и её дочь. А здесь шестьдесят с лишним коров, и у каждой свой норов, перенятый от своих хозяев. Особенно тяжело пришлось в первые дни пастьбы. Почувяв волю, особенно молодые коровы носились как угорелые, старые, наоборот, затевали бодаться. Того и гляди, как бы они не сбрушили бока друг другу. Повезло, что подпаском был Серёнька Сёмушкин, паренёк расторопный и смыслённый, не одно лето пасший красавское стадо.

Вообще-то коровы - умные и послушные животные, легко привыкают к интонации человеческого голоса. Конечно, стадо большое, но Абрамушка стремился найти подход к каждой корове. У одной за ухом почешет, у другой чёлку потеревит, у третьей репей из хвоста выберет и при этом корову поглаживал и ласковые слова говорил. А к некоторым и куском хлеба приходилось искать подход. Ни разу не повышал голоса и не обзывал скотину дурными словами. Даже на шкодливую Карюху не поднял батожка.

- Карюха, не балуй! - негромко прикрикнет пастух.

И Матюшина корова прекращала бодаться с Антошкиной Зорькой.

Когда стадо организовалось, Абрамушка выбрал корову возглавлять стадо. Ею стала Ваняхина Василиса, дородная и степенная, как её хозяйка, корова. Светло-бурой масти, она выделялась спокойным нравом и даже предугадывала мысли пастуха. Стоило ему подумать, не плохо бы завернуть на Халюзихин косик, глядь, а Василиса ведёт стадо туда.

Как-то во время обложного дождя он для обеденной дойки расположил стадо поближе к деревне возле гати, проложенной через топь. Когда дойка закончилась, пастух хотел гнать стадо дальше, но Василиса не трогалась с места, беспокойно озиралась по сторонам. Серёнька замахнулся на неё кнутом, корова тревожно заревела. Из кустов топи донёсся приглушённый ответный рёв. Заглянули туда, а там по брюхо в трясине Кубенина яловка. Пришлось звать мужиков на помощь - вызволять бедокурку из топи. С того дня пастух ещё шибче зауважал Василису.

Вскоре Абрамушка стал замечать: если рядом с Василисой шла мурастая Сорока Комара, жди ненастья, если Захарикова Белянка - будет ведро. И он стал верить в приметы, связанные с коровами. Не раз гонял Серёньку, подглядывающего за девками, объяснив, что "лишний глаз при дойке корову портит".

Через месяц Абрамушка стал приучать стадо к напевам свирели. В Австрии коровы русские мелодии не воспринимали, зато бодро вышагивали под маршевые звуки. И для красавских коров не сразу подобрал по нраву мелодии. Утром, стряхивая ночную дремоту, они неторопливо тянулись к выгону, где пастух старательно выводил:

Не будите молоду

Меня рано поутру.

Разбудите молоду,

Когда солнышко взойдёт.

Когда солнышко взойдёт,

Пастушок придёт в лужок.

Заиграет пастушок

Во серебряный рожок.

Хорошо пастух играет,

Приговаривает:

"Выгоняйте вы скотину

На широкую долину,

На зелёну луговину!"

А вечером им полюбилась песня: "Распрягайте, хлопцы, коней"...

Когда стадо окончательно утихомирилось, появилось свободное время, особенно на стойле у копанёвского плёса, где останавливались для обеденной дойки коров. Пока стадо продвигалось вдоль заросшего кустарником болота, Абрамушка успевал нарезать вязанку красноталовых лозин. Вначале плёл лукошки из неошкуранных прутьев и предлагал красавским бабам. Всё не лишняя копейка. Особым спросом пользовались большие корзины, в которых весной гусыни насиживали яйца. Потом приноровился плести разные поделки из очищенных лозин, а из лыка небольшие туески.

Утром Абрамушке приходилось вставать до восхода солнца, а вечером возвращался домой после заката. В летнее время сына и мельком не видел. В июне на склонах лощин поспевали ягоды - земляника, клубника, малина, а потом на болоте подходила красная и чёрная смородина. Мимоходом он набирал полный туесок ягод, а поздно вечером, возвращаясь домой, вешал его на штaketину Доняхиной калитки.

Вроде бы и долго длились, особенно в непогоду, дни, а лето промелькнуло быстро. Наступила с долгими хмурыми вечерами осень, и Абрамушка зачастил в открывшуюся в соседнем селе избу-читальню. Сперва дотошно прочитывал подшивки газет, потом стал прихватывать с собой и книги. Они открывали ему неведомый мир, жизнь и нравы людей, обитавших там. Особенно по душе ему пришлась книга о Робинзоне Крузо. И его жизненный корабль потерпел крушение, хотя и выбросили его события на обитаемую землю, все нити, связывающие его с прошлой жизнью, оборвались. И среди людей он чувствовал себя одиноко. Сверстники и сверстницы давно обзавелись семьями, детьми. У них свои заботы, своя жизнь и у подросткового поколения. Ему уже за тридцать. К тому же ни кола, ни двора. Молодая за него, за юродивого не пойдёт, время не то. Единственная надежда - сын. Надо скопить денег, построить дом и переманить Петю к себе.

Книжный фонд избу-читальни был невелик, пришлось обратиться к Михаилу Емельяновичу, учителю семилетки. И школьная библиотека оказалась бедноватой, и Абрамушка взялся за учебники. Огромный интерес вызвали книги по истории и географии. Теперь он ясно представлял, в каких краях ему пришлось побывать.

А на следующий год разразилась засуха. Взлобки холмов оголились настолько, что стали походить на морщинистые старческие лысины с редкими пучками пересохшего полынника. Пасти стадо пришлось по заболоченным кулижкам. Заметив, как коровы жадно обглаживали вместе с листьями молодые побеги лозняка, пастух посоветовал бабам и девкам, приходящим на обеденную дойку, приносить с собой по охапке наломанных прутьев. И сам, и Серёнька, продвигаясь со стадом вдоль болота, нарезали по вязанке веток и разбрасывали по стойлу.

Однажды на стойле к пастуху подошла женщина с грудным ребёнком и попросила молока. Выглядела она страшно. Впалое лицо, тощие руки и ноги обтянуты тонкой синюшной кожей, сквозь неё проступали такие же синюшные узлы вен, ни одной капельки живой жиринки. Рваные лохмотья едва прикрывали её наготу, на ногах изношенные до дыр парусиновые ходaki. Через плечо на грудь повязана цветастая шаль, в которой лежал ребёнок, такой тощий, что казалось, от него осталась только одна лобастая головка.

- Откуда топаешь, милая? - спросил Абрамушка, протягивая початую бутылку молока. Её утром вместе с куском сала и горбушкой ситника сунула в его сумку хозяйка дома, в котором он харчевался в этот день.

Из глубоко ввалившихся тёмных глаз женщины проглянула такая безысходная тоска, что по спине пастуха пробежали знобкие мурашки.

- Из-под Саратова, - печально ответила она. - Погорельцы мы. Пожар случился ночью. Я с ребёнком успела выскочить, а свёкор со свекровью и мой Ваня сгинули в огне. Вся деревня подчистую выгорела. Много людей погибло. А кто жив остался, по миру

пошли.

Она отлила молока в бутылочку и сунула соску ребёнку. Тот, не открывая глаз, сделал несколько сосательных движений и, захлебнувшись, закашлялся.

- Ох, горе моё! - вздохнула женщина. - Никак к соске не привыкнет.

Абрамушка с состраданием смотрел на измождённую женщину. У него даже мелькнула мысль: а не предложить ли ей остаться у него? Как-нибудь прокормит, глядишь, и выладняется баба. Но вовремя спохватился. Пойдут разговоры. И как это воспримет сын. А Абрамушке хотелось остаться перед ним чистым до конца.

- Пей сама, с хлебом, - он протянул беженке ломоть ситника. - Сейчас бабы на дойку придут, мальцу парного нацедят.

Та разломила ситник, большую часть сунула в торбу.

- Как величать-то тебя? - поинтересовался пастух.

- Катериной, - отозвалась женщина. - Катя. Мне ведь только двадцать на Егория исполнилось.

И всё-таки мысль пристроить Катерину не покидала Абрамушку. Тут он вспомнил, что недавно овдовел Сергей Рудак, живший здесь рядом на хуторе. Мужик зажиточный, но нравом крут. Поговаривали, что, рассерчив на жену, он запустил в неё колодкой и попал в висок.

Рудак принял Катерину на работу, но в первый же вечер изнасиловал её. А зимой, когда подошло время ей рожать, он беременную с ребёнком вытурил из дома. Весной, разбирая стог соломы около леса, работники обнаружили обглоданные зверьём человеческие кости и растерзанную цветастую шаль. В неё, видимо, был завернут новорождённый.

Очень болезненно воспринял эту весть Абрамушка. Получилось, что он невольно стал причастен к гибели этих несчастных людей, направив Катерину к лиходею. Но настигла Рудака Божья кара. Той же весной на хуторе появился продотряд. Сергей хотел скрыться от него и побежал по рыхлому мартовскому снегу к лесу. Боец, целясь в ноги беглеца, выстрелил, но пуля попала тому в грудь. Когда подбежали к нему, Рудак был мёртв.

На следующее лето погода наладилась. К тому же для крестьян вышло послабление, подразвёрстку заменили продналогом. Мужики сразу повеселели и, видя, как заботливо относится к каждой животине пастух, увеличили ему оплату.

6

Перед тем, как пойти в первый класс, к Абрамушке заглянул сын. Пастух только что вернулся домой после пастьбы. Зажёг керосиновую лампу и начал заталкивать сухой хворост в топочный зев плиты. Вдруг услышал, кто-то скребётся у двери. Наконец дверь приоткрылась и в хибарку нерешительно протиснулся Петя.

- Проходи, сынок, к столу, - дрогнувшим голосом пригласил он сына. - Сейчас плитку раздую, и мы с тобой почаёвничаем.

Но мальчуган не трогался с места, насупившись, смотрел на суетившегося Абрамушку, пытавшегося дрожащими руками разжечь пук соломы под хворостом.

Абрамушке хотелось подскочить и обнять сына, но внутренним чутьём уловил, что сейчас творилось в душе мальчонки. Семь лет он считал своим отцом высокого, статного и весёлого мужчину, а тут перед плитой возился угрюмый и невзрачный мужичок, ставший объектом насмешек взрослых и мальчишек.

- Мама правду сказала, что ты мой отец? - наконец выдавил мальчуган.

- Правду, сынок, правду, - распрямился Абрамушка и нежно посмотрел на сына. - Правду, и фамилия у тебя Стрелков, а не Г...

Тут пастух спохватился, кто-то из деревенских остро-словов, когда Григорий прибил к Евдокии, переименовал его фамилию Гуменюк на Гавнюк. Хотя хохол

оказался неплохим и многим нужным человеком, прозвище прилипло к нему.

- Не смейте так говорить о папке! - запальчиво выкрикнул Петя и убежал.

Трудно складывались отношения у Абрамушки с сыном. Зимой он по-прежнему часто посещал читальню и был в курсе всех событий, происходивших в стране и мире, но книги не давали ответа, как приблизить к себе сына. Он пришёл к выводу, что нужно менять свой образ жизни и прежде всего надо построить настоящий дом. Летом самому этим делом заниматься некогда, и он пошёл на поклон к Гуменюку.

- Были бы гроши, - заверил Григорий, - так мы тебе любые хоромы отгрохаем.

Заработанные деньги за пастьбу Абрамушка шибко не тратил, тем более что государство ввело в оборот твёрдую валюту. Нешто купит что-то из одежды или приглянувшуюся книгу. И за восемь лет скопилась сумма, достаточная для постройки дома.

Все хлопоты по стройке и добыванию материалов Григорий взял на себя, и к осени встала новая изба, размером и расположением она походила на родовую избу Абрамушки, только крыта кровельным железом да на верхних досках наличников отсутствовали целующиеся голубки. И внутри, как в отчем доме, располагались печь, стол и коник. Когда Абрамушка вошёл в готовую избу, его сердце дрогнуло, будто он перенёсся в детство, когда его отец построил родовую избу, и почудилось, что из-за занавески, отделяющей кухонный куток, появится улыбающаяся мать.

"Ай, хохол! Ну, угодил!" - впервые тепло подумал о Григории Абрамушка.

Доняха была совсем неграмотная, и Григорий всего две зимы ходил в школу. Не блистали грамотностью и остальные жители деревни, так что самым образованным и начитанным в Леоновке оказался Абрамушка, и ему предложили открыть на зиму в его избе ликбез. За взрослыми потянулись и школята, а с ними к нему стал заглядывать и Петя. Постепенно они сблизились. Когда сын с отличием окончил начальную школу, Абрамушка добился, чтобы Петю направили учиться дальше, в Школе крестьянской молодёжи, открывшейся в Нижней слободе.

Началась коллективизация, и крестьяне, не желая отдавать свою живность в колхоз, стали продавать и резать скот. Стадо сразу уполовинилось. Большинство красавских мужиков упорно держались в единоличниках, несмотря на разорительные налоги. Иссакли у крестьян свободные деньги, и частенько они расплачивались с пастухом натурой - птицею, мясом, зерном или картошкой, а кое-кто и мёдом.

А тут опять случилась засуха. Лучшие угодья отобрали для колхозов, а для личного скота остались лишь узкие заболоченные полоски. И в этот тяжёлый год Абрамушка умудрился уберечь стадо от падежа.

Хоть построил Абрамушка дом, новой хозяйкой не обзавёлся, а ему уже пятый десяток. Крепко, видать, прикипело сердце к Доняхе и сыну. А у неё пятеро - Петька и четыре дочери.

Неожиданно на неё свалилась беда. Кто-то подпил на строившейся колхозной конюшне только что установленные стропила и, когда Григорий поднялся наверх, стропила рухнули и насмерть придавили его. Пете исполнилось восемнадцать лет. Его давно приняли в комсомол. Узнав о беде, он хотел бросить школу, чтобы помогать матери. Ему оставалось всего полгода учиться, и Абрамушка уговорил сына окончить школу, а заботу о Доняхиных дочерях взял на себя.

А тут опять зашевелилась немчура. В Германии к власти пришёл Гитлер, провозгласивший о возрождении третьего рейха. В мире снова запахло порохом. Началась гражданская война в Испании. Советское правительство тоже решило укрепить армию молодыми кадрами, и Петру как успешно окончившему ШКМ предложили пойти учиться в военное училище. За советом он пришёл к отцу. Нелегко

было Абрамушке ответить сыну, ведь он надеялся, что, окончив ШКМ и получив диплом агронома, Пётр поселится у него, женится, и дом наполнится детской суетой. В то же время вспомнилась первая мировая бойня. Сколько судеб исковеркала она с обеих сторон! Чтобы военная заваруха не повторилась, нужно иметь сильную армию.

- Поступай, сынок, как тебе подсказывает сердце, - уклончиво ответил он.

- Большинство наших ребят дали согласие пойти в армию, - обрадовался сын, - и мне неудобно отставать от них.

И уехал в артиллерийское училище.

Доняха от Абрамушкиной помощи не отказывалась, но прежней близости не получилось. Видать, дорога ей память о Григории. В благодарность она дважды в месяц присылала старших, уже начавших невеститься дочерей навести порядок в Абрамушкином доме. Девки пригожие и сноровистые и в отца песельницы. Обе окончили семилетку и пошли работать в колхоз, Ганна - дояркой, Оксана - в полевой бригаде. Абрамушка предлагал им пойти учиться дальше, но почему-то воспротивилась Доняха.

После окончания училища Петра направили на Дальний Восток. Там нас стали беспокоить японцы. После Хасана и Халхин-Гола его перевели в Западную Белоруссию. По пути на несколько дней, сверкая новеньким орденом Красного Знамени, он заскочил домой. Возмужал в армии сын, раздался в плечах и ростом на голову выше отца стал.

- Как, сынок, война с немчурой будет? - спросил он Петра, когда разошлись гости и они остались вдвоём.

Сын ответил не сразу. Долго в раздумье пальцами катал хлебный шарик по столу, потом прихлопнул его ладонью.

- Будет, батя. Уж слишком легко фашисты почти всю Европу подмяли. Не остановятся.

Потом долго молчали, думая каждый о своём.

Вдруг Абрамушка спохватился:

- Женился бы ты, Петя. Я тебе и невесту присмотрел. Библиотекарем в читальне работает. Да ты её знаешь, Настя, Евдокима Алдошина дочка. Как встретимся, всё о тебе спрашивает. Красивая и скромная девушка.

- Не время, батя. Обживусь на новом месте, тогда о женитьбе подумаю, - уклонился от ответа Пётр.

А на следующий вечер, возвращаясь после пастьбы, под стожком возле дома Евдокима пастух услышал весёлый голос сына и приглушённый смех Насти.

"Кажется, поладили", - обрадовался Абрамушка.

Перед отъездом сын объявил:

- Мы сегодня с Настей расписались. А свадьбу на следующий год отложили.

Всего два письма получил Абрамушка от сына. Писал, что обжился на новом месте, а на последних учениях получил благодарность от самого командующего округом. Через месяц после отъезда сына началась война. Как участник первой мировой Абрамушка предполагал, что бои будут идти возле границы, но через неделю пал Минск, а в середине сентября наши войска оставили Киев. Огромные силы, видать, накопила немчура, пёрла неудержимо. Да и неудивительно, вся Европа работала на них.

Чтобы не достались врагу, на восток начали перегонять колхозные стада, а в начале октября на станции запылали облитые керосином склады "Заготзерно".

"Грех-то какой! Изничтожать хлеб огнём. - возмущались бабы. - Раздали бы людям. Мы вмиг его по деревням размели б".

Многие жители резали молодняк, мясо солили, коптили и прятали в вырытых заранее

схоронках. Стадо опять уполовинилось, а с Воздвиженья перестали выгонять коров на пастьбу.

В середине октября небо затянуло низкой наволочью, зарядили моросящие дожди, переходящие в мелкую крупчатую мжичку. По тому, что по стратегической дороге Фатеж - Колпны не проходило ни отступающих, ни спешащих к фронту частей Красной Армии, люди поняли, что защищать их никто не собирается. Все силы, видать, брошены на оборону Москвы.

Радио не было, перестали поступать газеты, и деревня жила слухами. Ещё, погукивая и натужно пыхтя на Воровском подъёме, несколько раз за сутки следовали на север эшелоны. И вдруг составы перестали ходить. Некоторые красавские мужики работали на железке. Недавно им вручили повестки, но поезда не ходили, и они решили остаться дома, лишь двое, Никита и Никанор, отправились в Курск пешком.

8

Пока не расхлябились дороги, Абрамушка решил обойти своих должников. Обход начал с Коммунарówki. Так называли хутор потому, что там жили организаторы первой коммуны - Афоня Дёгтев, Матюша Болтнев, Иван Кириллович и Илюха Звонарёв. Матюша был председателем коммуны, но когда при сборе продразвёрстки он выдал, где брат Костик прячет зерно, его дом подожгли, и Матюша перебрался в Красавку, а на его участке поставил избу Иван Морданчик. Ивана мобилизовали на фронт, в доме остались его жена Настя и сын-подросток. После образования колхозов Афоня стал милиционером, а Иван Кириллович - председателем сельпо, но проворовался и угодил в тюрьму, детей ему Бог не дал, и в доме жила одна Настя Зюзючка, получившая это прозвище за то, что родом она была из Литвы. Жил на хуторе ещё Андрей Глухой, живности он не водил, а перебивался огородиной. На отшибе хутора обитала семья Васи Комара. Его при раскулачивании выслали в Сибирь.

Вначале Абрамушка зашёл к Насте Морданихе. Долго стучал в дверь и окно, пока та не убедилась, что пришёл пастух. Наконец, скрипнул тяжёлый засов, и Абрамушка вошёл в избу. Узнав, за чем пришёл пастух, хозяйка запричитала:

- Чем же, милоч, мне с тобой расплачиваться? Денег у меня ни копейки.

- А мне сейчас деньги ни к чему, - успокоил он Настю. - Мясом или салом. Телушку и поросёнка, небось, тоже под нож пустила?

- Пустила, пустила, - подтвердила она.

Набросила на плечи шаль и юркнула в хлев. Вскоре вернулась с завёрнутым в чистую тряпку увесистым шматом свежесолёного сала. Абрамушка сунул свёрток в сумку и наставительно посоветовал:

- Время нонче не доброе. Подальше прятать надо бы.

- А я этот кусок загодя, с тобой расплачиваться, приготовила, - отпаривала Настя.

Потом он направился к избе Васи Комара. Ворота на подворье оказались приоткрытыми. Оттуда доносились резкие мужские голоса и тихое ржанье лошади. Пастух осторожно вошёл во двор. Трое мужиков с воза переносили вилами необмолоченные снопы ржи под навес. В разгружающих он узнал Васю Комара, Колю Лютова и Мишку Бычка, при раскулачивании их выслали в Сибирь.

Первым заметил вошедшего Вася Комар.

- Тебе чево? - злобно выкрикнул он и направил вилы в грудь пастуха.

Бычок мигом схватил прислонённую к стенке винтовку, щёлкнул затвором. Абрамушка опешил и сбивчиво объяснил, за чем он пришёл.

- Пошёл вон! - резко толкнул Комар рожками вил в грудь пастуха. - Ничего ты не получишь. Теперь наша власть!

Абрамушка оторопело отпрянул назад и выронил посох из рук. Поднимая его, боковым зрением увидел, что сзади с вилами к нему крался Лютов. Но Бычок опустил винтовку и строго приказал:

- Пока иди и молчок, что видел нас. Иначе пулю схлопочешь.

Не выпуская никого из виду, как при встрече со стаей волков, пастух неторопливо стал отступать к воротам. Лишь очутившись на улице, почувствовал, что опасность миновала.

"Слетелись вороны! Ох, и пососут эти недобитые кровопийцы нашей кровушки", - тяжело вздохнул Абрамушка. Интересно, как они оказались здесь? Неужто отпустили? А может, сбежали из лагерей и прятались где-то неподалёку? Больше заходить пастух ни к кому не стал. Афоня Дёгтев ещё в июле ушёл добровольцем на фронт. Его жена Дуня эвакуировалась вместе с колхозным стадом. Дом стоял с заколоченными окнами и дверьми. Настя Зюзючка за то, что муж угодил в тюрьму, тоже считала себя обиженной Советскою властью.

Сыпавшийся с утра мелкой крупкой снег повалил крупными мокрыми хлопьями. Абрамушка поглубже надвинул капюшон плаща на голову и зашагал к большаку. Надо поторопиться и предупредить людей о появлении бывших кулаков.

9

Курт Фогель до войны работал механиком на автомобильном заводе. Сын рабочего, он избегал шумных нацистских сборищ, но перед вторжением в Польшу его, молодого рослого парня, мобилизовали в армию. После окончания танкового училища присвоили звание лейтенанта и направили командовать разведывательным взводом танкового корпуса. Польская компания оказалась лёгкой прогулкой. За две недели боёв взвод не потерял ни одного танка, ни одного солдата, и лейтенант поверил в могущество германского оружия, ведь у них самые современные танки, самые совершенные самолёты, самая надёжная радиосвязь, и большинство солдат вооружены автоматическим оружием.

При переходе Советской границы у Бреста взвод попал под обстрел русской артиллерии. У одного танка взвода снарядом сорвало гусеницу, и лейтенант лобовой бронёй своей машины заслонил подбитый танк и огнём пушек подавил русскую батарею. Потом тросом выволокли повреждённый танк из опасной зоны. За боем наблюдал сам Гудериан. За находчивость и храбрость он представил Курта к награде и, повысив в звании, назначил командиром разведроты вместо погибшего в этом бою обер-лейтенанта Венцеля.

Задача разведроты состояла в том, чтобы находить бреши в обороне русских, в которые командование танковой группы вводило механизированные корпуса. Главное направление было на Москву. Из-за отсутствия сплошной линии обороны русских первые дни войны тоже казались лёгкой прогулкой. За две недели танковая группа прошла половину расстояния, оккупировав почти всю Белоруссию.

С переходом на исконно русские земли сопротивление русских войск возросло. Они стали чаще контратаковать, а с южной стороны по растянувшимся тылам танковой группировки нависла угроза удара русских со стороны Киева. Верховное командование решило повернуть танковые клинья на окружение киевской группировки русских, и почти два месяца корпуса утюжили необработанные поля Украины. За это время разведрота потеряла большую часть техники и почти весь отборный личный состав, и сам Курт получил сквозное ранение в ногу. Рана зажила быстро, всего неделю пробыл в лазарете.

Трёхнедельного блицкрига не получилось. За два месяца оставшиеся на Московском направлении третья танковая группа и пехотные армии продвинулись всего на двести километров. Встретив упорное сопротивление русских и понеся значительные потери, вынуждены были перейти к обороне. Для пополнения техникой и людьми вторая танковая группа сосредоточилась в районе Шостки. И здесь Фогель нащупал брешь на стыке между тринадцатой и сороковой армиями, которую русские поспешно пытались заткнуть группой генерала Ермакова. К тому же воздушная разведка доносила, что

резервов в тылах этих армий нет. И действительно, прорвав оборону русских, вторая танковая группа вышла на оперативный простор. Один механизированный корпус, сминая тылы и окружая тринадцатую и третью армии, двинулся на Брянск. Основная лавина второй танковой армии на третий день без боя захватила Орёл и устремилась к Туле. Танковый корпус, в котором служил Фогель, получил приказ идти на Елец.

Третья и тринадцатая армии русских, израсходовав весь боезапас, из-за раскиселившихся дорог и отсутствия горючего, подорвав орудия и автомашины, вырвались из кольца окружения и заняли оборону, тринадцатая у Фатежа, третья у Понырей. Так как у тринадцатой армии осталось только стрелковое оружие и меньше половины личного состава, к тому же с потерей Орла отпала необходимость защищать железную дорогу Курск - Москва, ей для перевооружения и пополнения приказали передислоцироваться под Ливны. Третья армия тоже вышла из окружения только со стрелковым оружием, но ей на подмогу подоспел артиллерийский полк. И когда танковый корпус под Понырями потерял более десятка танков, зная, что у русских здесь нет сплошной обороны и не желая новых потерь, командование приказало Фогелю найти южнее Понырей обходной путь на Елец.

Вступив на орловско-курские земли, Фогель поразился нищете здешних деревень. Убогие хатёнки под соломенными крышами теснились так плотно, что танку меж ними не развернуться. И в каждой хате с земляными полами ютилось по восемь-десять человек. Многие ходили в дырявой одежде, на ногах потрёпанные лапти.

Трудно воевать в этой дикой стране: ни указателей дорог, ни названий деревень, тем более улиц. В первые дни осеннего наступления, почти не встречая сопротивления, танковая армия преодолевала до сорока километров в день. Все радовались скорому окончанию войны, но тут внесла свои коррективы погода. Зарядили холодные, порой с мокрым снегом, дожди. Если у пехотинцев, кроме летнего обмундирования, имелись шинели и плащ-накидки, то у танкистов летней формой были только комбинезоны. Тыловики обещали подвезти утеплённую одежду после взятия Ельца, где намеривались разместить армию и корпус на зимние квартиры. Поэтому многие солдаты утеплялись, кто как мог, отбирая у местного населения кофты, свитера, шали, не гнушались и фуфайками, снятыми с убитых русских солдат.

И сам Фогель, когда при езде на мотоцикле стала от холода беспокоить раненая нога, отобрал у одного старика полушубок. Как-то его разведрота остановилась на ночь в орловской деревушке. Курт выбрал для ночлега избу поприличней, крытую железом. Когда он вошёл в неё, старики, показывая, что они не рады незваному гостю, продолжали заниматься каждый своим делом, бабка пришивала пуговицу к дедову полушубку, сам дед за столом чистой тряпкой протирал от копоти стекло керосиновой лампы. Протерев, он посмотрел через него на окошечный свет и вставил пузырь в узорчатый ободок горелки. Кончив шитьё, старуха протянула полушубок старику.

Но Фогель перехватил его:

- О, ви гут дизер пельц! Айкауфе махен! (О, какая хорошая шуба! Покупаю!) - он достал из внутреннего кармана пачку немецких марок и протянул старику.

Простодушное лицо старика посуровело, в зеленовато-серых глазах промелькнула ненависть.

- Родиной, господин, не торгую! - наотрез отказался он от денег.

На стене висела в рамке семейная фотография, видимо, сделанная незадолго до войны по случаю какого-то праздника. Рядом со стариками стояли такие же широколобые с добродушными улыбками на лицах четыре молодых парня в военной форме, двое с артиллерийскими и двое с танкистскими петлицами. У одного танкиста, майора по званию, на груди красовался орден.

Ире зоне? (Ваши сыновья?) - ткнул Фогель пальцем в военных. - Во кемпфен? (Где воюют?)

- Воевали с японцем, - обеспокоенно произнесла старуха, - а сейчас не ведаем, где

наши соколики скитаются.

Фогель давно заметил, что русские, особенно женщины, по интонации голоса легко понимают немецкую речь.

- Говорил тебе, убери рамку в сундук, - сердито глянув на жену, проворчал старик. - А ты всё: пусть повисит. Вот и довиселась.

Потом повернулся к Фогелю:

- А одежонка на вас, господин, и впрямь гавёньская. Ударят морозы, и полушубок мой не согреет. Ох, как вы тогда покатитесь назад!

- Вас? Вас ли заген? (Что? Что вы сказали?) - резко обернулся к старику обер-лейтенант.

- Да-с, да-с, кверху задом... - махнул тот рукой на запад и, не снимая валенок, полез на печку.

Трудно понять этих русских. Живут в нищете, а отчаянно дерутся за каждый клочок земли.

Полушубок он забрал и приспособил его для езды в коляске. Одну полу стелил на сиденье, остальным полушубком укрывал ноги. Каждый раз, дотронувшись до овчинной подстилки, Курт невольно вспоминал о непокорном старике и его улыбающихся сыновьях, воевавших с японцами, и у него появлялось предчувствие неминуемой расплаты за эту, затеянную Гитлером, военную авантюру, когда русские подтянут опытные кадровые резервы с Дальнего Востока.

От бронетранспортёров и танков пришлось отказаться, здешние просёлочные мосты не выдерживали тяжести машин, и Фогель решил произвести разведку взводом мотоциклистов, - мотоциклы легче вытаскивать из дорожной хляби. Бесперывно с мелкой крупной сеялся дождь и мотоциклисты, не соблюдая расстояния, жались друг к другу. Наконец выбрались на трактовую дорогу, ведущую к станции Вязы. Когда на горизонте показалась водонапорная башня, взвод наткнулся на заслон отступающей тринадцатой армии русских. Из кустов придорожных посадок полетели гранаты и застрочил пулемёт. Отстреливаясь автоматами и пулемётами, пришлось отступить назад. Русские не преследовали их. Погрузив убитых и раненых в уцелевшие мотоциклы, Фогель приказал им возвращаться в корпус, а сам с тремя мотоциклами направился на поиски стратегической дороги Фатеж - Колпны.

Изрядно побарахтавшись в разбитых и раскиселившихся низинных колеях, наполненных вязкой тёмной жижей, у мостов, наконец выбрались на твёрдую дорогу. Деревни, через которые они проезжали, казались вымершими. Ни людей, ни петушиного крика, лишь иногда, почуяв чужеземцев, истошным лаем заходились собаки. И опять ни одного указателя дорог и населённых пунктов.

На перекрёстке нагнали старика. Спросили о дороге на Колпны. Тот, что-то буркнув, палкой показал на большак и поспешил убраться от чужеземцев. Дорога оказалась ухоженной, по обочинам сделаны кюветы, в них скатывалась дождевая вода. Ехать стало легче, дорога шла под уклон.

На следующем перекрёстке показался закутанный в дорожный плащ путник. Фогель подал знак, чтобы приглушили моторы.

Снег валил крупными хлопьями, и Абрамушка с низко надвинутым на лоб капюшоном не услышал, как к нему приблизился мотоцикл.

- Хальт! (Стой!) - раздался за его спиной повелительный окрик.

Некоторые земляки, побывавшие в плену, подвыпив, порой щеголяли иноземными словами, Абрамушка, наоборот, старался забыть о плене, как о кошмарном сне. Казалось, за двадцать лет все немецкие слова выветрились из памяти.

Снова раздалось требовательнее:

- Хальт!

"Стой!" - всплыло в сознании. Пастух остановился и обернулся на голос. На трёх замызганных грязью мотоциклах с приглушёнными моторами, держа наготове автоматы и пулемёт, сидели в пятнистых халатах немцы. В каждом по два фрица, один за рулём, другой в коляске.

"Разведка", - догадался Абрамушка. Везло ему сегодня на неожиданные встречи. Видать, опасаясь засады, мотоциклисты остановились на значительном расстоянии друг от друга. Дальше дороги, ведущие в деревню и на хутора, были обсажены раkitами и густым кустарником, ещё не сбросившими грязно-серой листвы и, видать, немцам мерещилось, что в посадках кто-то затаился.

- Альте, комм хирхер! (Старик, иди сюда!) - махнул рукой в замшевой перчатке сидевший в коляске худощавый немец в высокой с отвёрнутыми ушами фуражке. Из-под плащ-накидки выглядывала туго перетянутая ремнём серо-зелёная шинель. На правом боку топорщилась кожаная кобура нагана, на левом - полевая сумка, на грудь свешивался бинокль.

- Комм! Комм! Шнеллер! (Иди! Иди! Скорей!) - торопил офицер.

Задние мотоциклисты по-прежнему держали под прицелом дороги перекрёстка, а водитель первого направил автомат на Абрамушку. Почему-то пастух не почувствовал страха перед немцем. Когда до мотоцикла осталось несколько шагов, тот дулом автомата показал на посох:

- Леге зайн кнуппель ауф ди ерде! (Положи свою палку на землю!)

"Э-э, да они даже моей палки боятся!" - усмехнулся про себя пастух. Он сошёл на обочину и воткнул посох стоймя в землю.

По-прежнему ни страха, ни сильного волнения от встречи с вооружёнными врагами Абрамушка не испытывал. Напротив, заметив, как водитель ёжился от гулявшего по большаку сиверка, а офицер подтягивал на колени полу полушубка, злорадно подумал: "Это вам не по Европам разгуливать!" Ему даже теплей стало от этой мысли, и он откинул капюшон, обнажив голову с редкими по бокам седыми волосами. Снежинки падали на лысину и медленно таяли.

Офицер сдвинул на лоб защитные очки и быстрым взглядом льдисто-серых глаз окинул путника с головы до ног. Брезгливо поморщившись, остановил взгляд на заляпанных грязью лаптях и вдруг спросил:

- Коммунист?

Вопрос немца застал Абрамушку врасплох. Все его мысли были о том, как хотя бы на время отвести чёрную беду от родного порога. Он не сразу ответил на вопрос. Потом приставил растопыренные пальцы к голове, изображая рогатую корову, для убедительности даже помычал и показал, как он кнутом гонял стадо.

- Ду ист дер хирт? (Ты есть пастух?) - догадался офицер.

- Да, да, пастух, - подтвердил Абрамушка и снова показал, как он щёлкал кнутом.

Небо потемнело, и из низко тащившейся над землёй тучи жиганул снежный заряд. За несколько мгновений дорога и поле покрылись белой пеленой. Офицер взглянул на часы. Надо разговаривать этого лысоголового пастуха. Жаль, что переводчика ранило, и его пришлось отправить в корпус. Фогель строго взглянул прямо в серые глаза русского:

- Дизер вег геен нах Колпны? (Эта дорога идёт на Колпны?)

Абрамушка догадался, что немецкая разведка искала стратегическую дорогу, которая проходила южнее, всего в километре от большака. Хотя он знал, о чём спросил офицер, притворился, что не понял вопроса, лихорадочно прикидывая, как отвести беду.

Тут вмешался солдат:

- Этот дорог нах Колпны?

- Нет здесь никакой Колпны, - наконец нашёлся пастух, - не знаю такой.

- Как не знайт? - возмущённо щёлкнул затвором автомата солдат. - Отвечай!

Офицер из полевой сумки достал карту, обтянутую с обеих сторон прозрачной плёнкой, снял перчатку и стынущим пальцем стал водить по карте. Абрамушка, натужа глаза, скосил взгляд на карту и удивился, что названия на ней указаны на русском языке, продублированные сверху латинским шрифтом. И ещё его удивило, что названия деревень на ней теперешние, советские. Хотя и присвоили новые красивые названия, местные жители в обиходе пользовались прежними, даже адреса на письмах указывали старые. Прижилось только название Красавка, которую раньше называли Лягушёвкой. Уж больно красивая деревня, расположенная в долине между ручьём и речкой. Вся в садах, и дома добротные.

Пастух внимательней присмотрелся к карте. Оказалось, деревня Липиново называется Скородное, деревня Кривушино - Михайловка, хутор Шалапутовка - Зелёная Степь, деревня Рваное - Родниковка. И его осенило, как ввести немцев в заблуждение.

Посиневшим от холода пальцем офицер повёл по жирной линии стратегической дороги и упёрся ногтем в перекрёсток, потом показал в сторону Красавки:

- Дизес дорф ист Зелена Степ? (Эта деревня Зелёная Степь?)

- Нет, это Лягушёвка, - твёрдо заявил Абрамушка.

- Вас бедоитен Лягушовк? (Что означает Лягушёвка?) - строго посмотрел Фогель на пастуха.

- Тут рядом болото, в нём ква-ква живут.

- Что есть болот? - вмешался солдат.

- Болото. А это... - Абрамушка подошёл к лужице с незамёрзшей грязью и потоптался в ней лапотками. - Здесь так, - кивнул он на свои ноги, - а в болоте - во! - и показал, что там грязи по горло.

Офицер окоченевшим пальцем продолжал водить по чёрным кирпичикам и квадратикам, цепочками тянувшихся вдоль синих нитей ручьёв и речек и связанных густой паутиной дорог и просёлков, но населённого пункта с таким названием не находил.

Абрамушка решил дальше сыграть на этом, чтобы ещё больше запутать непрошенных гостей.

Он дружелюбно улыбнулся:

- Да вы, ребята, не туда попали!

- Как этот понимайт? - возмущённо подскочил на сиденье мотоциклист.

Едкий сиверко усилился, и снег снова посыпал сухой колкой крупой. От холодного ветра не спасали пододетые под маскхалаты нашенские телогрейки, ни повязанные на шее шерстяные полушалки. Видя, как солдаты у дальних мотоциклов начали пританцовывать: "Это вам не Европа!" - ещё раз мысленно улыбнулся пастух.

- А так и понимайте, - повёл вокруг себя рукой Абрамушка, перечисляя местные названия деревень. Это Лягушёвка, дальше за болотом Кривушино, в эту сторону Шалапутовка, а там за болотом Липиново, а здесь, - он повернулся в сторону речки, - Плёсовка, а за нею, тоже за болотом, Чертановка.

Фогель внимательно вслушивался в названия перечисляемых деревень, пытался отыскать их на своей карте, но ни одной не находил. Проклятая страна! По карте вот она, искомая дорога, а попали, оказалось, дьявол знает куда. Порой ему казалось, что пастух хорошо понимал по-немецки и просто дурачил их. Он показал рукой на темнеющую петлю речки:

- Ви неннен зих дизер флюс? (Как называется эта река?)

Абрамушка давно узрел, что на карте их речка имела название Снова. Наверно, от слова "сновать", ишь какие кренделя она накрутила около Красавки. Все живущие на её берегах называли речку просто речкой, лишь в водополье почтительно именовали рекой.

- Просто речка, нет у неё имени, - простодушно ответил пастух. Начало смеркаться, опять посыпал крупными хлопьями снег. Пора возвращаться. Перед тем, как свернуть карту, Фогель спросил:

- Хир ист руссише золдатен? (Здесь есть русские солдаты?)

- Вчера вроде там разгружались, - показал рукой пастух на темнеющую на холмах лесополосу, за которой проходила железная дорога.

И тут в подтверждение Абрамушкиных слов оттуда донёлся короткий паровозный гудок. Немец поднёс бинокль к глазам, но из-за густой пелены снега едва просматривались неровные гребни деревьев.

- Панцер? Каноне? Вифиль? (Танки? Пушки? Много?)

- Много, и пушки, и танки! - уверенно подтвердил Абрамушка. Он понял, что немцам пора возвращаться, в Красавку они теперь не сунутся, опасаясь засады.

Фогель, что-то пометив на карте, сунул её в полевую сумку, усталый леденящим взглядом на пастуха:

- Фалис ду, хирт, лог, эршиссен! (Если ты, пастух, солгал, расстреляем!)

- Вот те крест! - не отводя взгляда, перекрестился Абрамушка. - Правду говорю. Офицер с трудом натянул перчатки на окоченевшие пальцы, надвинул на глаза защитные очки и подал команду возвращаться.

Абрамушка, чтобы не обдали его грязью, отошёл на обочину. Когда немцы скрылись из виду, снова перекрестился:

- Охрани нас, Господи, от лиха и всех супостатов.

Набросил капюшон на голову, выдернул из подмёрзшей земли посох и поспешил в деревню. Надо предупредить людей о появлении незваных гостей.

11

После встречи с немцами Абрамушка зашёл к Константину Ивановичу. Его четверо сыновей сражались на фронте. Спокойный и рассудительный Константин Иванович внимательно выслушал пастуха. Надолго задумался, потом, потерев свою аккуратную, слегка тронутую сединой бородку, глухо произнёс:

- Что ж, чему бывать, того не миновать. Спасибо, Иван Абрамович, что предупредил. Пастух направился к двери. Константин Иванович тоже набросил полушубок:

- Пойду и я, людей упряжу.

Домой пастух вернулся затемно. Взглянув на усталого и мрачного свёкра, Настя поняла, случилось что-то страшное. Месяц назад, узнав, что она беременна от его сына, он предложил девушке перебраться к нему и вместе ждать вестей от Петра.

- С Петей что-то случилось? - встревоженно встрепенулась Настя.

- Нет, дочка, - успокоил он сноху и рассказал ей о встрече с немцами.

На следующий день, тщательно упаковав в клеёнку, часть библиотечных книг он с Настей зарыли в саду рядом с избой-читальней, а часть забрали с собой. Но не шло на ум чтение. Тяжёлые думы мучили Абрамушку. Как там Петя? Жив ли? Если жив, где воюет? Не угодил бы только в плен к супостатам. Весть о том, что под Минском немцы пленили более миллиона русских солдат, принёс Фёдор, старший сын Константина Ивановича, вырвавшийся из окружения. Абрамушка заходил к нему, надеясь узнать от него что-нибудь о сыне. Фёдор рассказал, что слишком злобствуют фашисты на оккупированной территории, коммунистов, евреев и всех подозрительных расстреливают на месте, даже детишек не щадят.

Возможно, благодаря находчивости пастуха, стальная лавина немецких полчищ миновала Красавку и прилегающие к ней деревни. Сняв слабую оборону третьей армии под Поньрями, механизированные корпуса устремились через Ливны на Елец, торопясь перерезать дороги, идущие с юга на Москву.

В конце декабря до Ловоновки дошла и приятная весть, что немцев разбили под

Москвой и Красная Армия перешла в наступление. Сбылось предсказание орловского старика, у которого Фогель отобрал полушубок. Вьюжной декабрьской ночью он сгинул в танке, пытаясь вырваться из Елецкого котла. И действительно, морозными ночами стала доноситься отдалённая канонада. Потом утихла...

А Красавку и прилегающие к ней хутора ещё долго обходили оккупанты. Лишь в морозном январе к бывшему правлению колхоза подкатили трое саней. Из них вылезли кутающийся в длиннополый тулуп конопатый немец, Мишка Бычок, Вася Комар и несколько вооружённых винтовками детин с белыми повязками на рукавах. Полицаи засновали по деревне, сгоняя людей к правлению. Когда собралась толпа, на крыльцо вышел уже без тулупа плюгавый немец и на ломанном русском языке объявил:

- С этот день у вас быть новый порядок. Старшина быть Михаил Бычок, староста быть Трофим Болтень. Они вас доводить приказы немецких командований. За нихт исполнение стреляйт.

С того дня в округе полными хозяевами стали Бычок и его команда. Они грабили население, устраивали облавы на парней и девчат и отправляли их в фашистскую неволю. Особенно страдали те, если из семьи кто-то служил в Красной Армии. У них выгребали всё подчистую.

Вместе с мартовским солнцем в избу Абрамушки пришла долгожданная радость - появился внук. Обмыв и запеленав ребёнка, бабка Арина, принимавшая роды, подняла его над собой:

- У-у, богатырь какой! Расти, Иван Петрович, назло всем супостатам.

Настя тоже согласилась назвать сына Ваней в честь Абрамушки. Дед сам сколотил мальцу люльку, боковины развеселил узорами. Потом смастерил и кроватку-качалку подобно той, какую видел в заваленном бытовым хламом сарае австрийского бауэра.

С появлением внука в дом Абрамушки зачастили и Доняха с семнадцатилетней дочкой Полей. Её старшие дочери разлетелись по стране. Ганна и Оксана вышли замуж за бывших своих одноклассников, ставших военными. Ганна жила в Одессе, Оксана с мужем попала в Грузию. Укатила с мужем-строителем на Дальний Восток и шубутная Зинаида. Доняха приносила Насте молоко, яйца, поношенные платья для пелёнок, и дом наполнялся бабьей суетой.

А стратегическая дорога, проходящая через окраину Красавки, долго пустовала, хотя зимой полицаи сгоняли жителей чистить её от снежных заносов, а весной заставили вырубить все придорожные посадки. Лишь в феврале 1943 года ею воспользовалась немецкая часть, вырвавшаяся из-под Касторной. Измотанные долгим переходом солдаты, натаскав в избы соломы, валились прямо на земляные полы.

А утром с оглашённым криком:

- Красные в Слободе! - в деревню влетел Колька Болтнев, возивший молоко на приёмный пункт.

Немцы мигом снялись и ускоренным маршем убралась в сторону Фатежа.

Зато эта дорога верно послужила нашим войскам во время Курской битвы. День и ночь по ней проходили колонны пехотинцев, конные обозы, тягачи с пушками и зачехлённые "катюши".

А вскоре пришла весточка и от Петра. Артиллерийский полк, которым он командовал, занял позиции в районе Малоархангельска.